

В. В. Степкин

ОТНОШЕНИЕ ЦЕРКОВНЫХ ВЛАСТЕЙ К ПЕЩЕРОКОПАТЕЛЯМ В XVIII–XIX ВЕКАХ

В статье анализируется отношение официальных органов власти к традиции пещерокопательства, существовавшей в рамках «народного православия» в Синодальный период истории Русской Православной Церкви. Подчеркивается неприятие элитой данной формы народной религиозности, идущей вразрез с формирующейся новой европейской культурой. Источниками информации послужили синодальные дела, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива. При их изучении выявлены юридические инструменты, при помощи которых органы власти осуществляли систему санкций по отношению к пещерокопателям. Опираясь на действующее законодательство, синодальные структуры обвиняли их в суеверии, незаконной торговле свечами, сборе подаяний, подозревали в сектантстве, в возможностях укрывания в подземельях преступников... Иногда данные обвинения были оправданны, но зачастую носили неправомерный характер. Власти засыпали входы в подземелья, налагали штрафы на пещерокопателей, привлекали их лидеров к аресту, надеясь снизить энергию народной религиозности, направив ее в более контролируемое русло приходской жизни Русской Православной Церкви. Автор приходит к выводу, что почитание пещер в рамках «народного православия», как и почитание родников, являлось неотъемлемой частью традиционной культуры. Поэтому, несмотря на давление со стороны власти, пещерничество в народной среде продолжало развиваться, воспроизводя почитаемые средневековые подземные сакральные локусы в деревенской округе. Лишь к середине XX в., с разрушением крестьянской общины как носителя народной религиозности, процесс пещерокопания постепенно сойдет на нет.

Ключевые слова: пещерокопательство, «народное православие», сакральный ландшафт, суеверия, Русская Православная Церковь, Синодальный период, Синод, власть.

Неотъемлемой частью христианской аскетической средневековой традиции подземничества являлось создание культовых пещер. В истории Русской Православной Церкви ее истоки берут свое начало в существовании пещер Киево-Печерской лавры в XI–XIV вв., постепенно распространяясь в другие уголки Восточно-Европейской равнины в процессе монастырской колонизации. Вместе с тем уже в Новое время, наряду с монастырской практикой пещерничества, начинает развиваться народное пещерокопание. Культовые пещеры становятся в один ряд с почитаемыми родниками, часовнями, поклонными крестами и пр. значимыми религиозными локусами в традиционной культуре. Их сооружение и почитание формировало уникальный сакральный ландшафт деревенской округи. Крестьяне, не разрывая духовные связи со своим приходом, в рамках народной православной традиции в Синодальный период церковной истории трудились над созданием порядка ста пещер на территории Европейской части России. Выяснение отношения органов власти к этому процессу народного пещерокопания является целью данного исследования.

Для достижения данной цели были проанализированы материалы фондов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА): Канцелярия Синода (796), Канцелярия обер-прокурора Синода (797), Рукописи Синода (834), Канцелярия

Виталий Викторович Степкин — кандидат исторических наук, учитель истории МБОУ Павловская СОШ с УИОП Воронежской области (archeolog@mail.ru).

министра внутренних дел (1282), Департамента полиции исполнительной МВД (1286). В ходе работы были обнаружены 18 дел, отражающих процесс создания и почитания около 12 % всех культовых пещер на территории Европейской части России.

Невысокий процент письменных источников, свидетельствующих о бытовании подземелий, объясним, на наш взгляд, рядом факторов. Во-первых, не все пещерные памятники попали в фокус внимания церковных органов власти, потому что находились в труднодоступных местах. Во-вторых, исходя из существовавшей практики, большинство подобного рода дел в случае возникновения должно было оседать на низовом уровне церковного управления. Так, еще 29 октября 1746 г. Синод издал специальный указ об отсылке дел в сфере «духовных преступлений» в местные духовные консистории, чтобы освободить себя от рассмотрения потока малозначительных правонарушений. На данный же момент «архивы духовных консисторий на местах сохранились в целом неудовлетворительно, пострадав от времени, стихийных бедствий и людского нерадения больше, нежели архивы центральных учреждений» [Смилянская, 2003, 19–20]. Так, например, архив Воронежской духовной консистории, в ведении которой находилась территория с половиной фиксируемых пещерных памятников, оказался во многом утраченным. Поэтому в Синодальном архиве мы находим прежде всего дела, имевшие либо широкий общественный резонанс, повлекший рапорт правящего архиерея, либо связанные с непосредственным обращением к синодальным властям пещерокопателей, апеллирующих к высшей церковной инстанции на произвол местных властей, препятствующих созданию и функционированию культовых подземелий.

При этом надо заметить, что почти все подобного рода апелляции заканчивались для пещерокопателей или пещеропочитателей безрезультатно. Синод становился на сторону местных властей, что объяснимо, на наш взгляд, противостоянием, по терминологии, предложенной Н. Н. Покровским, «синодального варианта православия» и «народного православия» [Лавров, 2000, 15]. Лишь в двух из рассматриваемых случаев церковные власти проявили гибкость: применительно к бывшему детям видению молящегося старца-монаха в пещере у с. Крутого Орловской губернии в 1901 г. и применительно к функционированию Белогорской пещеры в Воронежской губернии, основанной в 1796 г. Видение детей имело широкий общественный резонанс, повлекший за собой стечение к пещере большого количества народа [Степкин, 2016а, 321–323]. При этом епископ Орловский и Севский Никанор (Каменский), написав рапорт о случившемся в Синод, предложил местному исправнику вместо традиционных запретов, арестов и штрафов «в видах успокоения умов... сделать пещеру всем доступною, расширить и обезопасить вход в нее». Свое решение еп. Никанор обосновывал тем, что «признаков неблаговерного вымысла или корыстных видов распространение упомянутых слухов полицейским дознавателем не установлено» (РГИА. Ф. 796. Оп. 182. Д. 2469. Л. 1 об.). А раз так, то и паломничество к пещере само собой должно будет вскоре прекратиться после удовлетворения первичного любопытства.

Иной, изначально негативной, была позиция Епифания (Канивецкого), епископа Воронежского и Черкасского, об устройении религиозной общины при Белогорской пещере. В целом она сводилась к трем аргументам: отрицательная личностная характеристика пещерников, опасность для общества распространения суеверия и опасность для власти неконтролируемых элементов (РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5355. Л. 67 об. — 74). Так, в письме министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицину от 8 июня 1822 г. еп. Епифаний давал нелестную характеристику основательнице пещеры Марии Шерстюковой, наделяя ее такими качествами, как лицемерие, тщеславие и любостязание. Последнее, по его словам, проявлялось в продаже восковых свеч и сборе подаяний. Также он упрекал пещерокопателей в распространении суеверия наподобие веры в сновидения и чудеса при источниках. Кроме того, еп. Епифаний обвинил Шерстюкову в высказываниях против государственной политики увеличения посадок картофеля и упоминал о вероятности укрывания в пещерах бродяг и беглых.

О предвзятости данной позиции мы можем судить из письма в Министерство полиции по секретной части от Воронежского гражданского губернатора, который на основании донесения уездного судьи Бородкина писал о несостоятельности подобного рода обвинений (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1998. Л. 6–7). При этом личное участие губернатора в деле объясняется заинтересованностью в его результатах императора Александра I, благодаря распоряжению которого местные органы власти стремились объективно разобраться в ситуации с обустройством подземелья. Это в конечном итоге и предопределило судьбу Белогорских пещер: получив на первоначальном этапе высочайшее благоволение, в дальнейшем они «трансформировались» из сферы «народного православия» в официальный монастырь Русской Православной Церкви.

В период царствования Николая I подобного «окна возможностей» для пещерокопателей уже не существовало. Поводом для ужесточения отношения к «странникам и богомольцам» стало дело военного фельдшера Васильева, отправившегося в самовольное паломничество по святым местам (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 498. Л. 1–27). Васильев, странствуя по монастырям России в течение четырех лет, оставался непознанным до тех пор, пока сам не вернулся к предыдущему месту службы в столицу. Медицинский департамент посчитал возможным лишить его фельдшерского звания и наказать шпицрутами через 500 человек с определением на службу рядовым. Дело Васильева вызвало опасение, что по «невнимательности настоятелей монастырей, дающих приют всякому без разбору носящему странническое одеяние, под коим легко могут скрываться не только беглые, но и величайшие преступники» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 498. Л. 4 об.). В результате данного прецедента Департамент полиции разослал по губерниям циркулярное письмо от 26 ноября 1832 г. о том, «чтобы никакие неизвестные люди без узаконенных видов отнюдь не были допустимы до бродяжничества и укрывательства в местах к ведомства губернского начальства принадлежащих» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 498. Л. 7 об.). Так что будь письмо еп. Епифания написано не в 1822-м, а в 1832 г., его аргумент о вероятности укрывания в пещерах бродяг и беглых звучал бы совсем иначе.

Приведенные еп. Епифанием аргументы показательны для нас тем, что они не были фактором исключительно индивидуального творчества. В разных вариациях они звучали в делопроизводительной практике консисторий на всем протяжении Синодального периода, что объяснимо в целом неприятием народного пещерокопания, вызванного, как правило, благочестивым стремлением воспроизведения на родине подземных святынь других регионов. Так, например, не только Мария Щерстюкова приступила к созданию Белогорской пещеры после посещения Киево-Печерской лавры, но и устроители пещер у станции Кочетовской Первого Донского округа, у села Верхне-Ахгубинского Астраханской губернии, у сел Красное и Гороховка Воронежской губернии были вдохновлены на свой труд подземными святынями Киева (РГИА. Ф. 796. Оп. 112. Д. 867. Л. 1–5 об.; РГИА. Ф. 796. Оп. 132. Д. 1751. Л. 1–4 об.; РГИА. Ф. 796. Оп. 141. Д. 709. Л. 1–10 об.; РГИА. Ф. 796. Оп. 157. Д. 181. Л. 1–10). Но, не имея, в отличие от Щерстюковой, высокого покровительства, эти пещерокопатели не могли придать своей деятельности официальный характер. Правящие архиереи не давали, как правило, на это благословения даже в случае положительных отзывов светских органов власти на действия пещерников, стремящихся воплотить в жизнь аскетическую традицию подземножительства. Так, в изначальной характеристике Донского Войскового правления мы видим в поведении пещерника Власа Рыбакова у Кочетовской станции мотив благочестивого подражания святым Киево-Печерской лавры при отсутствии соблазнительного поведения. В епархиальном же рапорте в Синод Рыбаков, наоборот, представляется «празднолюбцем, водворившимся в пещере с порочными замыслами» (РГИА. Ф. 796. Оп. 132. Д. 1751. Л. 4 об). В результате рассмотрения в Синоде этого дела было принято решение о засыпке пещеры.

Среди вариантов мотивировки правящих архиереев, решения которых брались Синодом за основу при вынесении вердикта, ключевым аргументом против пещерокопателей стоит обвинение в суеверии. Так, например, наряду с Щерстюковой

в суеверии обвиняли в 1831 г. основателя пещеры у с. Красное Авраама Ковалева (РГИА. Ф. 796. Оп. 112. Д. 867. Л. 1 об.), в 1860 г. — Максима Курасова, создателя Гороховской пещеры (РГИА. Ф. 796. Оп. 141. Д. 709. Л. 10 об.), в 1878 г. — Мирона Гноевого, устроителя Галиевской пещеры в Воронежской губернии (РГИА. Ф. 796. Оп. 157. Д. 240. Л. 8), в 1892 г. — Тихона (Присяжного), пытавшегося возродить Шатрищегорский монастырь в Воронежской губернии (РГИА. Ф. 797. Оп. 63. II отд., 3 ст. Д. 379. Л. 5–5 об.). То есть на протяжении всего XIX столетия пещерокопательство у представителей официальных церковных структур неизменно ассоциируется с суеверием. Данная ассоциация, учитывая наличие в Уставе духовных консисторий предписаний епархиальным архиереям бороться с суевериями [Устав Духовных консисторий, 1883, 6–7], делала, по сути, невозможным положительное рассмотрение в Синоде ходатайств пещерокопателей. Так в консисторском Уставе, впервые изданном в 1841 г., в статье 18 читаем: «Епархиальный архиерей обязан отвращать православных христиан от всяких суеверий и суеверных обрядов. Кроме постоянного наблюдения чрез местных священников и благочинных, епархиальные архиереи осведомляются о том при обозрении епархий и возникающие суеверия прекращают своими поучениями и запрещением, независимо от мер, которые обязано принимать местное гражданское начальство по силе свода законов». Статья 19 Устава гласила: «В случае суеверных действий или разглашений, производящих на народ заметное впечатление, особенно с признаками неблагонамеренного вымысла или корыстных видов, епархиальный архиерей обращается к мерам вразумления и увещания; а между тем относится к губернатору и, смотря по важности дела, доносит Святейшему Синоду, от которого и ожидает дальнейшего разрешения».

По сути, данный консисторский Устав лишь подтверждал то отношение к суеверию, которое присутствовало в законодательных актах Российской империи с самого учреждения Синода Петром I. Как верно заметил исследователь религиозности XVIII в. А. С. Лавров, «тема суеверия настолько занимала преобразователя, что в „Духовном регламенте“ ей оказалось отведено почти столько же места, сколько устройству самой Духовной коллегии, тогда как до монашества и белого духовенства дело дошло только на следующий год в особом прибавлении к регламенту» [Лавров, 2000, 409]. Вместе с тем Духовный регламент, введенный в действие манифестом от 25 января 1721 г. и являющийся главным юридическим документом, определяющим правовой статус Церкви в России вплоть до 1917 г., требовал уточнения наказания за суеверные действия (ПСЗРИ. Собр. I. Т. VI. № 3718). В связи с этим на вопрос Синода к Петру I от 12 апреля 1722 г. о том, как поступать в случае «Когда кто велит для своего интереса, или суетной ради славы огласить священником кое чудо притворно и хитро чрез кликуши или чрез другое что, или подобное тому прикажет творить суеверие» была наложена императорская резолюция: «Наказание в вечную ссылку на галеры с вырезанием ноздрей» (ПСЗРИ. Собр. I. Т. VI. 1720–1722 гг. № 3963).

Правоприменительная практика первой половины XVIII в. показывала, что это были не пустые угрозы. Если человек рассказывал о каком-либо видении во сне или наяву, о чудесах у икон, родников и прочее, то его неминуемо ждала указанная участь. И если после смерти Петра I эта практика не применялась, то в аннинское время она пережила своего рода второе рождение [Лавров, 2000, 174–177, 437]. 25 ноября 1737 г. появился даже указ Анны Иоанновны «О пресечении суеверий», обязавший епархиальных архиереев два раза в год рапортовать в Святейший Синод о «суевериях» на местах. Архиереи должны были наблюдать в своих ведомствах, «не делаются ли где какие суеверия, не проявляет ли кто для скверноприбыточства каких при иконах святых, при кладезях, при источниках ложных чудес и мертвых. Несвидетельствованных телес не разглашают ли к почитанию их за мощи истинных святых, не являются ли где кликуши и притворно юродцы и босые» (ПСЗРИ. Т. X. № 7450). Только с наступлением регентства Анны Леопольдовны были приостановлены драконовские наказания за данные «преступления», и сотни, тысячи искалеченных людей по амнистии смогли вернуться на родину [Лавров, 2000, 448]. Но сами законодательные акты о «суевериях» отменены не были, и суеверия так

же преследовались в Синодальный период властями, с учетом лишь менее жесткой системы наказаний. Причем правоприменительная практика трактовала суеверия весьма широко, относя к ним инаковерие старообрядцев, сектантов, волшебство, почитание «ложных» чудес, источников, камней, обожествление икон, «лже-священных» мест [Смилянская, 2003, 15–16].

Пещерокопательство попадало под обвинение в суеверии как процесс, связанный с рассказами о чудесном, и как объект, относимый к «лже-священному» месту почитания. Связанные с пещерами рассказы о чудесах влияли на народные умонастроения, усиливая восприятие подземелий как сакрального локуса. Так, о Марии Шерстюковой говорили, что она, создавая Белогорскую пещеру, беседовала с ангелами, что и нашло отражение в рукописной повести ее жития (РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 4036-б. Л. 1–9; РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5355. Л. 71 об.). Попытка публикации данного произведения, в котором правдивые сведения о Шерстюковой переплетались с вымыслом, встретила закономерное неприятие Московского цензурного комитета (РГИА. Ф. 796. Оп. 120. Д. 1454. Л. 1–2 об.; Котович, 1909, 221). Говорили и о чудесных явлениях святых пещерокопателя Галиевской пещеры Мирону Гноевому [Степкин, 2016b, 181] и Никифору Загвоздкину, создателю пещеры у с. Малая Знаменка в Таврической губернии (РГИА. Ф. 796. Оп. 155. Д. 623. Л. 1 об.).

Необходимо заметить, что культовые пещеры, созданные в Синодальный период, воспринимались в образованных слоях общества как анахронизм, явление, характерное для Древней Руси. Причем аскетическая практика подземножительства здесь не была одинока. Сюда же можно отнести затворничество и юродство, в отношении которых также предпринимались попытки запрещения со стороны властей [Лавров, 2000, 263]. Развивающаяся в XVIII в. новая европейская культура находилась будто в разных временных измерениях с народной религиозностью. Для «верхней части» российского общества, боровшегося с «суевериями», началось Новое время, а для крестьянства время остановилось и замерло в Средневековье.

XIX в. также протекал в русле аккультурации. По-прежнему представители верхов российского общества в лице синодальных архиереев считали почитание народными низами культовых пещер, источников, чудотворных икон и пр. суеверной традицией, которую необходимо ассимилировать. Вместе с тем к его началу стала очевидной несостоятельность полного навязывания «высшим обществом» крестьянству своей системы религиозных воззрений. В этом контексте «синодальным православием» была выбрана иная стратегия, направленная, по словам Грегори Фриза, на изоляцию сакрального в официально дозволенных локусах [Лавров, 2000, 447]. В этой связи уместно рассмотреть культовые подземелья Европейской части России в системе сакральной организации деревенской округи. Е. В. Платонов выделяет на примере Северо-Запада России два типа сакральной структуры культурного ландшафта: концентрический и линейный [Платонов]. Концентрический тип сосредотачивает духовную жизнь деревни вокруг деревянной часовни или, для иных регионов России, — храма. Он связан с идеей «собирания», «стягивания» пространства к единой доминанте — сакральному центру поселения, в котором хранятся наиболее почитаемые святыни, совершаются православные обряды и таинства.

Иной тип сакрального структурирования округи — линейный. Для него характерно наличие нескольких почитаемых объектов в пространстве деревни и ее округи. В такую структуру помимо храма или часовни будут входить такие почитаемые в «народном православии» объекты, как родники, камни, кресты... Применительно к нашей теме исследования — культовые пещеры. В исторически более ранний отрезок Синодального периода линейный тип сакрального структурирования деревенской округи оказался вне контекста политической структуризации общества в русле секуляризационного абсолютизма. Наглядно это иллюстрируют петровские указы, запрещающие следующее: возжигать свечи и отправлять молебны перед иконами, выставленными на городских воротах и внешних церковных стенах; крестные ходы к почитаемым святыням; иметь чудотворные иконы в частных домах с передачей

их в храмы; постройку новых часовен и упразднение старых [Лавров, 2000, 413–415]. Запрет часовен напрямую объяснялся отвлечением православных от приходской церкви, призванной быть центром религиозной жизни. В этом же ключе мотивировались и другие аналогичные запреты, направленные на формирование концентрической сакрализации приходской жизни. В контексте нашего исследования показательно привести обращение товарища (заместителя) обер-прокурора Синода в ноябре 1873 г. к астраханскому епископу Феогносту (Лебедеву) по поводу устройства Андреем Черкасовым Верхне-Ахтубинских катакомб: «не признает ли он возможным поручить местному духовенству убедить Черкасова в бесполезности в духовном отношении трудов его по устройству вышеупомянутых пещер?» (РГИА. Ф. 796. Оп. 157. Д. 181. Л. 1 об.). В свою очередь еп. Феогност (Лебедев) «предписал благочинному 2 округа Царевского уезда священнику Нефедьеву, чтобы он вместе с местными священниками сделал пастырское увещание крестьянину Черкасову о том, что он напрасно отстаивает свои пещеры, что молитва в церкви может быть гораздо угоднее Богу и действительно, нежели уединенная молитва где бы то ни было, и о последствиях увещания донес ему» (РГИА. Ф. 796. Оп. 157. Д. 181. Л. 7–8 об.).

Формирование концентрической сакрализации приходской жизни помогало решать несколько задач. В политическом плане усиливался государственный контроль за духовной сферой, учитывая наличие фискалов в церковной среде, и выхлещивался фундамент религиозного сознания, опирающегося на элемент личной встречи с чудесным. При этом снижалась опора православной религиозной культуры на местные святыни, без которой ее привлекательность, складывавшаяся вокруг народного почитания мощей и чудотворных икон, резко снижалась [Лавров, 2000, 41]. Но помимо политического, светско-государственного аспекта нельзя забывать об экономических и миссионерских интересах епархий. Так, например, Марию Щерстюкову не случайно обвиняли в продаже восковых свеч и сборе подаваний (РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5355. Л. 72). Согласно законодательству, частным лицам воспрещалась продажа церковных восковых свеч (1721 г.), которая объявлялась исключительным правом церковью (1808 г.), а «архиереи обязаны были удалять причины, могущие приносить упадок свечных церковных доходов» (1820 г.) [Калашников, 1902, 405]. Развитием народного пещерокопательства в середине XIX в. у с. Селявное в Воронежской губернии был обеспокоен «Дивногорский монастырь, для которого являлась опасность потерять часть доходов от богомольцев. Поэтому Воронежская консистория сделала представление Воронежскому губернскому правлению о прекращении пещерокопательства» [Никольский, 1910, 154]. Об устройте Галиевской пещеры Мироне Гноевом архиеп. Воронежский и Задонский Серафим (Аретинский) писал в синодальном рапорте: «В 1870 г. значительное число простолудинов в воскресные и другие праздничные дни вместо своих церквей, как на богомолье, стали отправляться к нему, Гноевому, и там по целым дням занимались копанием пещер, как делом Богоугодным, и делать ему значительные пожертвования» (РГИА. Ф. 796. Оп. 157. Д. 240. Л. 7 об.).

Говоря о миссионерской составляющей борьбы синодальных властей с пещерокопателями, необходимо подчеркнуть опасения относительно распространения в этой среде сектанства. Так, например, в случае с пещерничеством Никифора Загвоздкина у с. Малая Знаменка Таврической губернии священник Усенков «старался дознать от посторонних лиц, не принадлежит ли Загвоздкин к какой-либо секте и нет ли какого постороннего руководителя» (РГИА. Ф. 796. Оп. 155. Д. 623. Л. 2). Надо заметить, что, действительно, основания для таких подозрений были, учитывая тот факт, что пещеры создавались в Европейской части России отнюдь не только в рамках «народного православия». Для некоторых сект «создание подземных сооружений было неотъемлемой частью отправления культа: голбешников, подземельников, подпольников, еноховцев» [Полева, 2007, 4]. Именно поэтому основатель пещеры у с. Верхне-Ахтубинское в Астраханской губернии Андрей Черкасов писал обер-прокурору Синода прошение с просьбой не запрещать ему пещерокопательство, указывая при этом: «Я православный христианин, ересей и сектанства никогда не возводил

и не возведу» (РГИА. Ф 796. Оп. 157. Д. 181. Л. 4 об.). Но надо заметить, что не имеющим образования и находившимся порой без духовного окормления пещерокопателям удержаться в рамках православия не всегда удавалось. Тот же Андрей Черкасов, судя по донесениям жандармского управления Саратовской губернии, в конце XIX в. провозгласил себя Иоанном Богословом и начал учить о скором приближении конца света и об антихристе — царе Николае II [Чернец, 2013, 273].

Рассматривая систему санкций, применявшихся в Синодальный период по отношению к пещерокопателям со стороны светских и духовных властей, необходимо отметить общую тенденцию к смягчению наказаний. Частично этим объясняется тот факт, что развитие подземножителства в рамках народной православной традиции почти не фиксируется до начала XIX в., когда оно приобретает массовый характер, как это видно на примере Донского региона [Никольский, 1910, 149–181; Степкин, 2008, 141–150]. Но если посмотреть на данный феномен более пристально, то можно обнаружить массовое православное народное пещерокопательство и в XVIII в., но в иной форме — старообрядчества. Ведь, по сути, с реформами патриарха Никона народная православная традиция, оставаясь без изменений, была подвергнута обскурации. В этом отношении показательна цитата из работы А. С. Лаврова: «Сущность церковного раскола состояла в том, что обычная, „разрешенная“ религиозность была вдруг объявлена альтернативной, причем новая, рекомендуемая, была сформирована как будто бы по принципу „от противного“» [Лавров, 2000, 22]. Поэтому народное пещерокопание XVIII в. — это скорее процесс выживания, укрытия в наземных и подземных старообрядческих скитах, чем развитие в крестьянской среде аскетической практики подземножителства. Лишь к XIX в., с уходом в прошлое практики применения драконовских законов против распространителей рассказов о «ложных чудесах» и «лже-священных» местах, народное пещерокопание оживает вновь, приспособившись к формальной стороне к новым обрядам, а по сути отражая всё ту же архаику структурирования сакрального.

Поставленная проблема взаимоотношения старообрядческого пещерокопания с народным в рамках Русской Православной Церкви требует отдельного рассмотрения. Уделяя же внимание санкционной политике XIX столетия по отношению к пещерокопателям, посещающим храмы Русской Православной Церкви, отметим ее такие формы, как засыпка входа в пещеры, штраф и арест. При этом данные меры, конечно же, не могли остановить народное почитание пещер, точно так же как невозможно было остановить народное почитание родников ни в XVIII, ни в XIX столетии. Да и светские местные власти это понимали, лишь периодически предпринимая попытки прекратить пещерокопательство, когда оно приобретало слишком широкий общественный резонанс. Пещеры засыпались, пещерокопателей обязывали заплатить штраф или подвергали аресту, но все эти меры мало помогали. Так, в урочище Шатрище на Дону крестьяне не только откопали засыпанные в 1832 г. входы в подземелья, но и оказали сопротивление полиции при попытке уничтожения в пещерах предметов культа [Марков, 1891, 180]. В 1872 г. устроителя пещер у с. Верхне-Ахтубинское Андрея Черкасова сначала приговорили к штрафу в 50 руб., а затем заключению в смирительном доме на два месяца, при этом пещеры должны были быть засыпаны (РГИА. Ф. 796. Оп. 157. Д. 181. Л. 1, 2 об., 8 об.). Но по отбытии наказания Черкасов и его последователи продолжили свой труд. По сути, светские власти на местах лишь сдерживали процесс народного пещерокопания в определенных рамках, не имея возможности, а порой и желания полностью ему воспрепятствовать (учитывая прецедент, связанный с деятельностью Шерстюковой, не повлекший за собой деструктивной составляющей). Пещерокопатели же в свою очередь писали письма в Синод с просьбой им не препятствовать, в случае особого давления работали по ночам и ожидали в будущем улучшения ситуации.

Таким образом, анализ источников, повествующих о создании Белогорской, Верхне-Ахтубинской, Галиевской, Гороховской, Кочетовской, Краснянской, Мало-Знаменской, Селявинской, Шатрищегорской и ряда других пещер, показывает в целом

неприятие процесса пещерокопания официальными органами власти. Пещерокопателей синодальные структуры обвиняли в суеверии, незаконной торговле свечами и сборе подаваний, подозревали в сектантстве и в возможностях укрывания в подземельях преступников. Обвинение в суеверии было действенным аргументом, запрещающим пещерничество в рамках синодального законодательства, предписывающего епархиальным архиереям «отвращать православных христиан от всяких суеверий и суеверных обрядов». Вместе с тем оно не могло в полной мере воспрепятствовать процессу пещерокопания в XIX в. в связи со смягчением ответственности за данные правонарушения и восприятием пещерничества в традиционной культуре как одного из богоугодных путей подвижничества (по примеру создателей подземелий Киево-Печерской лавры). Обвинения в незаконной торговле свечами и сборе подаваний, судя по отзывам полицейского управления, не всегда были обоснованны. Кроме того, передача крестьянами пещерокопателям продуктов своего труда — при восприятии пещер значимыми сакральными локусами деревенской округи — находилась в русле корпоративных устоев общинного взаимодействия. Подозрения в сектантстве имели под собой реальные основания, учитывая наличие культа пещер у сектантов различного толка. Но надо заметить, что применительно к практике пещерничества в рамках «народного православия» «сектантство» — неподходящий термин для описания имевшего место феномена. Пещеры, наряду с почитаемыми источниками, часовнями, поклонными крестами и пр., были традиционными объектами культа в народной среде, и, создавая подземелья, пещерокопатели не утрачивали связи со своим сельским приходом и духовенством. Обвинение в вероятности укрывания преступников носило лишь гипотетический характер, не подкрепленный примерами. В целом рассмотренные нами аргументы против народной традиции пещерокопания объяснимы неприятием данного феномена, как отражения архаики, высшим слоем российского общества, формирующегося в русле европейского рационалистического дискурса. Несмотря на все давление «синодального православия», пещерничество в народной среде продолжало развиваться, воспроизводя почитаемые средневековые подземные сакральные локусы в сельской округе. Лишь к середине XX в., с разрушением крестьянской общины как носителя народной религиозности, процесс пещерокопания постепенно сойдет на нет, оставив после себя яркий след в виде многочисленных пещер на Русской равнине.

Источники и литература

Источники

1. ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской Империи. Собр. I. Т. VI: 1720–1722 гг. СПб., 1830; Т. X: 1737–1739. СПб., 1830.
2. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 112. Д. 867; Ф. 796. Оп. 120. Д. 1454; Ф. 796. Оп. 132. Д. 1751; Ф. 796. Оп. 141. Д. 709; Ф. 796. Оп. 155. Д. 623; Ф. 796. Оп. 157. Д. 181; Ф. 796. Оп. 157. Д. 240; Ф. 796. Оп. 182. Д. 2469; Ф. 797. Оп. 2. Д. 5355; Ф. 797. Оп. 63. II отд., 3 ст. Д. 379; Ф. 834. Оп. 3. Д. 4036-б; Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1998; Ф. 1286. Оп. 5. Д. 498.

Литература

3. Калашников (1902) — Калашников С. В. Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721–1901 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания. СПб.: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1902.

4. Котович (1909) — *Котович А.* Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб.: Типография «Родник», 1909.
5. Лавров (2000) — *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000.
6. Марков (1891) — *Марков Е. Л.* Поездка в Дивногорье // *Русский вестник*. 1891. Т. 214. С. 128–182.
7. Никольский (1910) — *Никольский П. В.* Монашество на Дону в XIX веке. Очерк 1. Пещерокопательство в XIX в. // *Воронежская старина*. Вып. 9. Воронеж: Издание Воронежского церковного историко-археологического комитета, 1910. С. 149–181.
8. Платонов — *Платонов Е. В.* Сакральная организация деревенской округи. URL: http://www.rusarch.ru/platonov_e1.htm (дата обращения: 25.08.2017).
9. Полева (2007) — *Полева Ю. В.* История традиции пещерного подвижничества в Нижнем Поволжье и Подонье. Волгоград: ВГАФК, 2007.
10. Смилянская (2003) — *Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003.
11. Степкин (2008) — *Степкин В. В.* Пещеростроительство как вид христианского подвижничества в лесостепном Придонье // *Вестник церковной истории*. 2008. № 3 (11). С. 141–150.
12. Степкин (2016a) — *Степкин В. В.* Архивные сведения о двух пещерах в Орловской и Уфимской губерниях: психологический и социальный аспект // *Спелеология и спелеология*. Сборник материалов VII Международной научной конференции. Набережные Челны: НГПУ. С. 321–323.
13. Степкин (2016b) — *Степкин В. В.* Новые архивные сведения о Галиевской пещере в Подонье (к вопросу о мотивации пещерокопателей и отношении к ним органов власти) // *Пещеры как объекты истории и культуры*. Материалы международного научного форума Воронеж-Дивногорье, 19–22 апреля 2016. Воронеж: Научная книга. 2016. С. 178–182.
14. Устав Духовных консисторий (1883) — *Устав Духовных консисторий*. СПб., 1883.
15. Чернец (2013) — *Чернец В.* Особенности русского сектантства на примере Саратовской епархии первой четверти XIX — начала XX века // *Труды Саратовской Православной Духовной семинарии*. 2013. № 7. С. 267–276.

Vitaly Stepkin. The Attitude of Church Authorities to the Cave Diggers in the 18th–19th Centuries.

Abstract: The article analyzes official authorities' attitude to the cave digging tradition that existed in the frame of folk Orthodoxy in the Synodical period of the Russian Orthodox Church (ROC). Creating catacombs the cave diggers made a peculiar spatial and temporal transfer of revered sacred underground loci of medieval times to the village area of the peasants' day. It is emphasized in the article that this type of people's religious commitment, not conforming with the new shaping up European culture, was rejected by the establishment. Synodal files kept in Russian State Historical Archive are used as information sources in the research. The legal arrangements of authorities to implement a system of sanctions against representatives of underground living ascetic practices, developing among peasants, are indicated upon studying the sources. Relying on the working legislation the Synodal structures typically blamed the cave diggers for superstition, illegal candles selling, alms collection, suspected them of sectarianism, of secreting criminals... Sometimes such blaming was appropriate, but more often they were incompetent. At the same time the authorities backfilled caves entrances, fined the cave diggers arresting their leaders. These actions were to bring down the energy of people's religious commitment directing it to a more controllable way of parish living in the Russian Orthodox Church. In addition, as the authorities thought, the linear type of sacred village area with multiple peoples' cult objects was to transfer to a homocentric one, when spiritual life had to center around the official temple. Not always these actions were fruitful. For instance, the builders of Belogorye caves in Don region

after great persecution managed to transfer their community into an authorized monastery. The author comes to conclusion that the caves honoring in the frame of folk Orthodoxy as well as springs honoring was an organic part of traditional culture. In view of this, in spite of all the pressure of Synodical Orthodoxy cave digging kept developing among people reproducing respected medieval sacred locus in the village area. The process of cave digging had its major development among people in 19th century when sanctions against disseminators of tales about “false wonders” and “pseudo-holy” sites became not so strict as they used to be in 18th century. In this period the greatest number of caves were created in Voronezh region which had the best natural and geographical conditions for it – exposure of chalk rocks at hills of Don valley. The following caves considered in the article were dug there: Belogorskaya, Galievskaya, Gorokhovskaya, Selyavinskaya and Shatrishchegorskaya. Only by the mid-20th century after peasant communities as a folk Orthodoxy bearer disintegration the cave digging process will gradually disappear.

Keywords: cave digging; folk Orthodoxy; sacred landscape; superstition; Russian Orthodox Church; Synod; authorities.

Vitaly Victorovich Stepkin – Candidate of historical sciences, History teacher, MBGEI (Municipal Budgetary General Education Institution) Pavlovsk Secondary School with Enhanced Coverage of Certain Subjects (archeolog@mail.ru).

Sources and References

Sources

1. PSZRI – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobr. I. [Complete collection of laws of the Russia Empire. The First Collection]. Vol. VI: 1720–1722. Saint Petersburg, 1830; vol. X: 1737–1739. Saint Petersburg, 1830. (In Russian).

2. RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive]. Found 796. Inv. 112. Case 867; Found 796. Inv. 120. Case 1454; Found 796. Inv. 132. Case 1751; Found 796. Inv. 141. Case 709; Found 796. Inv. 155. Case 623; Found 796. Inv. 157. Case 181; Found 796. Inv. 157. Case 240; Found 796. Inv. 182. Case 2469; Found 797. Inv. 2. Case 5355; Found 797. Inv. 63. Case 379; Found 834. Inv. 3. Case 4036-b; Found 1282. Inv. 2. Case 1998; Found 1286. Inv. 5. Case 498. (In Russian).

References

3. Kalashnikov (1902) – Kalashnikov S.V. *Alfavitnyy ukazatel' deystvuyushchikh i rukovodstvennykh kanonicheskikh postanovleniy, ukazov, opredeleniy i rasporyazheniy Svyateyshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda (1721–1901 g. vklyuchitel'no) i grazhdanskikh zakonov, otnosyashchikhsya k dukhovnomu vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya* [Alphabetical index of current and guiding canonical regulations, decrees, definitions and instructions of Holy Governing Synod (1721 – through 1901) and civil laws relating to department of religious affairs of Orthodox confession]. Saint Petersburg, 1902. (In Russian).

4. Kotovich (1909) – Kotovich A. *Dukhovnaya tsenzura v Rossii (1799–1855 gg.)* [Religious censorship in Russia (1799–1855)]. Saint Petersburg: Rodnik, 1909. (In Russian).

5. Lavrov (2000) – Lavrov A. S. *Koldovstvo i religiya v Rossii. 1700–1740 gg.* [Sorcery and religion in Russia. 1700–1740]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2000. (In Russian).

6. Markov (1891) – Markov E. L. Poyezdka v Divnogor'ye [Journey to Divnogorye]. *Russkij vestnik*, 1891, vol. 214, pp. 128–182. (In Russian).

7. Nikol'skiy (1910) – Nikol'skiy P.V. *Monashestvo na Donu v XIX veke. Ocherk 1. Peshcherokopatel'stvo v XIX v.* [Monachism on river Don in 19th century. Essay 1. Cave digging in 19th century]. *Voronezhskaya Starina*. Voronezh, 1910, no. 9, pp. 149–181. (In Russian).

8. Platonov — Platonov E. V. *Sakral'naya organizatsiya derevenskoy okrugi*. [Sacred arrangement of a village neighborhood]. Available at: http://www.rusarch.ru/platonov_e1.htm (accessed: 25.08.2017). (In Russian).
9. Poleva (2007) — Poleva Yu. V. *Istoriya traditsii peshchernogo podvizhnichestva v Nizhnem Povolzh'ye i Podon'ye* [History of cave ascetism tradition in the Lower Volga region and Don region]. Volgograd: VGAFK Publ., 2007, 129 p. (In Russian).
10. Smilyanskaya (2003) — Smilyanskaya E. B. *Volshebnyki. Bogokhul'niki. Eretiki. Narodnaya religioznost' i «dukhovnyye prestupleniya» v Rossii XVIII v.* [Magicians. Blasphemers. Heretics. People's religious commitment and "religious crimes" in Russia of 18th century]. Moscow: Indrik, 2003. (In Russian).
11. Stepkin (2008) — Stepkin V. V. *Peshcherostroitel'stvo kak vid khristianskogo podvizhnichestva v lesostepnom Pridon'ye* [Cave building as a type of Christian ascetic life in forest-steppe Don region]. *Vestnik cerkovnoj istorii*, 2008, no. 3 (11), pp. 141–150. (In Russian).
12. Stepkin (2016a) — Stepkin V. V. *Arkhivnyye svedeniya o dvukh peshcherakh v Orlovskoy i Ufimskoy guberniyakh: psikhologicheskii i sotsial'nyy aspekt* [Archival records on two caves in Oryol and Ufa regions: psychological and social aspects]. *Speleologija i spelestologija. Sbornik materialov VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. [Speleology and Speleology. Proceedings of the VII International Scientific Conference]. Naberezhnye Chelny: NGPU Publ., 2016, pp. 321–323. (In Russian).
13. Stepkin (2016b) — Stepkin V. V. *Novyye arkhivnyye svedeniya o Galiyevskoy peshchere v Podon'ye (k voprosu o motivatsii peshcherokopateley i otnoshenii k nim organov vlasti)* [New archival records on Galievskaya cave in Don region (revisiting cave diggers' motivation and authorities' attitude to them)]. *Peshchery kak ob'yekty istorii i kul'tury. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo foruma Voronezh-Divnogor'ye, 19–22 aprelya 2016* [Caves as historical and cultural objects. Proceedings of International Scientific Forum Voronezh-Divnogorye, April 19–22, 2016]. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2016, pp. 178–182. (In Russian).
14. *Ustav Dukhovnykh konsistoriy (1883)* — *Ustav Dukhovnykh konsistoriy*. Saint Petersburg, 1883. (In Russian).
15. Chernets (2013) — Chernets V. *Osobennosti russkogo sektantstva na primere Saratovskoy eparkhii pervoy chetverti XIX — nachala XX veka* [Distinctive features of Russian sectarianism: the case of Saratov eparchy in the first quarter of 19th — early 20th centuries]. *Trudy Saratovskoy Pravoslavnoy Dukhovnoy seminarii*, 2013, no. 7, pp. 267–276. (In Russian).